

дят весьма безрадостно¹. Понятие «объект прав» не находит однозначного понимания в доктрине, не говоря уже об определении данного понятия. Авторы либо обходят этот вопрос стороной либо ограничиваются общей фразой о том, что объект — это то, на что направлено правоотношение, либо то, по поводу чего возникает правоотношение.

Анализ юридической доктрины по данному вопросу позволяет сформулировать ряд проблем, возникших за период его изучения, которые, как представляется, и не позволили до настоящего времени провести его последовательное разрешение.

Во-первых, это семантическая проблема. Ученые указывают на отсутствие установившейся терминологии при изучении указанной проблемы, в связи с чем под объектом зачастую понимаются совершенно различные явления². Кроме того, как это ни странно, проблема в значительной степени осложнена существующей омонимичностью понятий права в субъективном и объективном смыслах.

Во-вторых, это проблема историографии. Различные аспекты вопроса объектов прав разрабатывались в разные исторические эпохи, поэтому сопоставить их результаты на практике бывает весьма сложно, что в конечном итоге привело к тому состоянию вопроса, которое имеет место на сегодня. В связи с этим в рамках учебных курсов данной проблемы чаще всего предпочитают не касаться.

В-третьих, это проблема методологии. Она во многом обусловлена предыдущей проблемой и стала основной причиной того, что единство мнений по данному вопросу отсутствует. Как указывает Д.Д. Grimm, «общий недостаток современной доктрины — отсутствие разграничения конкретных отношений и абстрактных типов...»³. Указанное методологическое замечание кажется в высшей степени верным. Как представляется, оно имеет непосредственное отношение как к учению о правоотношении, так и к учению о его объекте. По мнению А. Шопенгауэра, «понятия образуют своеобразный, присущий только человеческому духу класс, отличный *toto genere* от... наглядных представлений»⁴.

Кроме того, важным аспектом методологии исследования является вопрос о том, какие формально-логические приемы должны применяться

¹ На это же ещё в начале XX в. указывал Д.Д. Grimm (см.: *Grimm Д.Д.* К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 157—196).

² Так, немецкий юрист Унгер выделяет как минимум три возможные трактовки данного понятия (см.: *Unger. System des osterr. Allgem. Privatrechts. I.4. § 59.* С. 499 и сл. (цит. по работе Д.Д. Гримма)).

³ *Grimm Д.Д.* Указ. соч.

⁴ См.: *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М., 1999. С. 48.

при изучении данного вопроса: следует ли вести речь об обобщении и последующем переходе к частному, либо, наоборот, исходя из конкретного представления о конкретных объектах вести речь об объектах прав в общем смысле.

В-четвертых, это проблема когнитивная. Она связана с тем объемом категорий и явлений материального мира, которые мы включаем в понятие «объект прав». Так, само понятие имущества не является статическим, постоянно терпит изменения своего содержания, направленные на включение новых категорий благ в его состав. То есть речь идет о перманентном расширении содержания данного понятия. Яркий тому пример — включение в состав имущества имущественных прав.

С этим связана структурная проблема восприятия рассматриваемой категории. Нет однозначного решения в вопросе о месте объекта прав (правоотношения) в структуре правоотношения.

В-пятых, это проблема верификации, связанная с тем, что любую точку зрения очень сложно подтвердить на практике. Проблема поиска определения понятия «объект прав», равно как и предпринимаемые попытки раскрыть его содержание для юриспруденции в принципе не разрешима, поскольку не имеет точно определимого практического значения, правильность ее решения не может пройти верификацию практикой.

Таким образом, необходимо отметить в основном теоретический характер данной проблемы. Практическая значимость решения этого вопроса в известной степени нивелирована тем фактом, что в законодательстве присутствует четкая формула, из которой можно однозначно вывести, какие явления могут рассматриваться в качестве объектов прав, а какие нет. Вместе с тем роль доктринальных изысканий в данной сфере состоит в выработке критериев квалификации новых объектов оборота (т.е. вписанию их в систему объектов прав), а также детализации соответствующих правовых режимов.

Приступая к рассмотрению понятий «объект прав» и «объект правоотношений», необходимо предварительно решить вопрос о том, какую трактовку правоотношения следует взять за основу, поскольку от этого напрямую будет зависеть решение поставленной проблемы. На сегодня в теории существует три основных точки зрения в вопросе о том, что же такое правоотношение.

1) Одни исследователи полагают, что правоотношение является некой идеологической, надстроечной конструкцией, которая определяет формирование фактических отношений. В данной трактовке правоотношение есть некая абстрактная идея, которая воплощается в конкретном урегулированном норма права фактическом отношении. Правоотношение в та-

кой трактовке представляет собой юридическую форму фактических отношений. Как представляется, подобная трактовка правовых отношений в значительной степени базируется на воззрениях К. Маркса, считавшего право производной сферой, идеологической надстройкой над экономическими отношениями. В дальнейшем такой подход активно развивался в работах многих советских правоведов¹.

2) Другие авторы предлагают считать правоотношением фактическое отношение, урегулированное нормами права². Однако, как представляется, в данном случае речь идет о некоем результате правового регулирования, о выполнении правом своей регулирующей роли, а не собственно о правоотношении. Поэтому с такой трактовкой не представляется возможным согласиться.

3) Предлагается также рассматривать в качестве правоотношения некое единство правовой формы и фактического содержания³. Однако в этом случае очевидно будет присутствовать попытка объединить в рамках одного понятия в корне различные явления, что делает весьма затруднительной практическую применимость подобной концепции.

Как представляется, правоотношение в общем (широком) понимании является идеологической, надстроечной конструкцией, некоей общей моделью поведения, которая заложена в правовой норме. Вместе с тем данная идеологическая конструкция воздействует на сознание субъектов, результатом чего становится ее реализация в их фактических отношениях, которые в свою очередь становятся правоотношениями в конкретном понимании⁴. В данном случае необходимо также вспомнить уже упоминавшееся методологическое замечание Д.Д. Гримма о необходимости разграничения «абстрактных и конкретных типов».

Полагаем, что такой подход позволяет считать понятия «объект права» и «объект правоотношения» тождественными. Понятие объекта правоотношения намного более сложное, поскольку в правоотношении сталкивается сразу несколько различных гражданских прав, каждое из которых имеет свой объект. Однако, в конечном счете, как представляется, речь идет все же об одной категории. Сходной точки зрения придерживается А.П. Дудин⁵.

¹ См., напр.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 15—19; *Тархов В.А.* Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 11.

² См., напр.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 7, 51.

³ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права (курс лекций): учеб. пос. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. С. 57.

⁴ См. подробнее: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 7—18.

⁵ См.: *Дудин А.П.* Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. С. 42, 55.

В доктрине также имеется точка зрения, что данные понятия не являются тождественными¹. Однако с такой позицией нельзя согласиться с чисто логической точки зрения. Как отмечает В.А. Белов, «если субъективное право и юридическая обязанность реализуются только и исключительно в рамках правоотношения (составляют содержание правоотношения), то возникает вопрос: а может ли правоотношение иметь иной объект, кроме того, что является объектом составляющего его субъективного права и юридической обязанности?»². Он аргументирует подобный взгляд тем, что «не может понятие, сводимое к совокупности содержательных характеристик, воздействовать на что-либо иное, чем то, на что воздействует само его содержание».

В юридической доктрине были выработаны два основных подхода к определению рассматриваемой категории: 1) подход, основанный на перечислении объектов прав — многоэлементная теория; 2) монистические теории, которые пытаются выявить некий объект абстрактного права (права вообще) — общую категорию, которая должна включать в себя все возможные разновидности объектов прав.

Своего рода авторство в отношении данного термина («объект прав») принадлежит Ф.К. Савиньи. Выдающийся правовед ввел в юридический лексикон новый термин, как представляется, в целях оптимизации юридического понятийного аппарата. Поскольку в римском праве существовало учение о лицах, которым принадлежат права (субъектах прав), то совершенно логично, что юридической наукой должно быть выработано целостное представление об объектах этих прав и действий управомоченных лиц.

Савиньи определяет объект юридических отношений как «то, что через посредство юридических отношений собственно подчиняется нашей воле»³. Остановимся более подробно на этом самом первом определении объекта правоотношений.

Его особенностью является то, что объект прав определяется через некую абстракцию — «нечто», обладающее определенным признаком, точнее двумя: 1) подчиненность воле субъекта; 2) опосредованность «юридическим отношением», т.е. правоотношением.

Отметим, что данное определение, хотя и правильное по своему смыслу, не является определением в собственном смысле слова, поскольку не

¹ См.: *Зинченко С.А., Лапач В.А., Шапсугов Д.Ю.* Проблемы объектов гражданских прав. Ростов-н/Д., 2001. С. 18, 42, 82.

² См.: *Белов В.А.* Объект гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // *Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6—77.*

³ См.: *System d. h. rom. Rechts. T. I. § 58. С. 386* (цит. по: *Гримм Д.Д.* К учению об объектах прав // *Вестник гражданского права. 2007. № 1*).

указывает на существование некой целостной категории «объекта прав вообще», т.е. является своего рода «открытым» определением.

На сегодня существуют следующие основополагающие требования, которым должны отвечать правовые дефиниции:

1) с оптимальной адекватностью отражать сущность определяемого явления;

2) иметь конвенциональный характер, т.е. базироваться на определенном научном признании, консенсусе;

3) быть дискурсивными, т.е. находиться в определенной логической взаимосвязи с устоявшимися определениями, основополагающими понятиями действующего законодательства¹.

Данное определение слишком широко, оно не описывает содержания рассматриваемого понятия, оно лишь очерчивает его грани. Строго говоря, такой подход состоит в выделении общего единого признака всех конкретных объектов прав — они лишь подчиняются воле субъектов прав. Аналогичным образом обстоит дело с определением объекта прав, которое дает Г.Ф. Шершеневич: в его трактовке объект прав — это «все то, что может служить средством осуществления интереса»². Таким образом, в данных определениях попытка обобщения понятия «объект прав» приводит не к созданию какого-либо общего абстрактного понятия, но лишь к выделению общего признака, свойственного всем конкретным обобщаемым предметам. Савиньи и Шершеневич определяют объект не через какую-то категорию, а как «нечто», обладающее определенным признаком. Иными словами, объект прав в абстрактном понимании не является предметно определенным понятием. Именно такими представляются значение и смысл определения объекта прав, данного Савиньи.

Из приведенного определения Савиньи вырисовываются два следствия. Во-первых, автор в нем очерчивает признак допустимости объектов: речь идет о том, что объекты прав опосредуются, проходят через призму юридических отношений, при этом приобретают определенный правовой режим³. Не все предметы материального мира могут быть объектами прав, а только те из них, которые могут быть подведены под определенный правовой режим, могут быть квалифицированы в качестве определенного типа объектов прав.

¹ См.: Законодательная техника: Научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 81.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. Казань, 1901. С. 121.

³ На сегодня содержание данного признака раскрывается через установление определенного правового режима для разных типов объектов прав, а также в необходимости наличия у них признака оборотоспособности.

Во-вторых, автор решает вопрос о месте объекта правоотношения в рамках самого правоотношения. Для Савиньи объект — это нечто, находящееся вовне правоотношения, нечто противостоящее субъекту и подчиненное его воле.

В дальнейшем Савиньи раскрывает содержание вводимого им понятия посредством описания различных видов объектов правоотношений. То есть речь идет об определении правовых режимов, а не о некоей новой теории или учении. Полагаем, что Савиньи неслучайно отказывается от точного определения термина «объект прав». Причина этого в том, что целостного понятия «объект прав» для Савиньи просто не существовало. Объект прав в его трактовке — это не какое-то абстрактное понятие, но всегда нечто конкретное, конкретный объект конкретных прав. Такой подход не позволяет абстрагировать объекты в целостную идейную концепцию, т.е. оторвать их от конкретных прав.

Однако последующая юридическая историография не восприняла подобного смысла данного Савиньи определения. Действительно, ситуация выглядела так, как будто это была только постановка проблемы, которую необходимо разрешить, что и сделали ученые. Однако, возможно, мысль Савиньи была совершенно иной? ¹. Представляется, для Савиньи проблемы объекта прав вообще не существовало. В его работе речь идет о конкретных объектах прав, а не об объекте прав вообще (как некоей идейной модели). Сам автор этого понятия (и термина) вкладывал в него совершенно конкретное содержание. И в его работе «Обязательственное право» отсутствуют даже намеки на то, что данный термин может трактоваться более широко.

В последующем немецкими юристами XIX в., равно как и дореволюционными российскими правоведом, по замечанию Д.Д. Грима, не уделялось достаточного внимания проблеме объектов прав, какого-либо цельного учения в этой сфере также не было создано. Как пишет Д.Д. Гримм, исследователи как бы обходили данную проблему стороной. В основном, в связи с рассматриваемой проблемой, речь шла о том, могут ли рассматриваться в качестве объектов прав действия и лица (вещи как объекты прав признавались практически бесспорно всеми, обращавшимися к этой проблеме, за редчайшими исключениями)². Так, у В.И. Синайского встречаем такое определение: «предмет, относительно которого устанавливаются в гражданском обороте права и обязанности лиц, и есть объект права»³.

¹ Такого же мнения придерживается В.А. Белов (см.: *Белов В.А.* Объект гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий.).

² См., напр.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. М., 2002. С. 83; *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. М., 2003. С. 115; *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. 10-е изд. Пг., 1915. С. 94, 95.

³ См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 1912. С. 123.

Каких-либо попыток вложить в данное понятие абстрактное, общее содержание фактически не предпринималось. Отсутствие внимания исследователей к данной проблеме объясняется тем, что для них ее просто не существовало, равно как и для Савиньи.

Данная ситуация изменилась в советской юридической доктрине. Вопрос об объекте прав был перенесен советскими юристами в совершенно новую плоскость. Начали предприниматься попытки выявить содержание данного понятия, тогда как само оно стало рассматриваться, как правило, в абстрактном смысле¹. Начиная с работы К.О. Берновского², подавляющее большинство исследователей рассматривают объект прав как некий абстрактный тип, пытаются вывести его обобщающее определение³.

Однако уже в самом начале истории развития концепции объекта прав существует некая опасность методологической ошибки, которой, как представляется, все же не удалось избежать многим исследователям рассматриваемого вопроса.

Развитие учения о субъективных правах в конце XIX в. привели к созданию советской правовой доктриной самостоятельной теории правоотношения⁴. При этом складывается следующая ситуация: понятие субъективного права в его современном понимании, а также концепция правоотношения были в полной мере раскрыты и осмыслены уже после того, как было создана концепция объекта данных понятий, что несколько противоречит логике естественного, поступательного развития событий. И в дальнейшем ученые пытались разрешить эту проблему, не принимали во внимание то, что данные концепции разрабатывались параллельно, разрозненно, не ориентируясь друг на друга. Ведь сам Савиньи ввел категорию «объект прав», не принимая во внимание концепции субъективных прав и правоотношения (разработанные позднее).

Вместе с тем, думается, что любая попытка дать однозначное определение термину «объект прав», тем самым ввести его в юридический понятийный аппарат как некую абстрактную категорию, о которой, в частности, пишет В.А. Белов⁵, представляется ошибочной в методологическом плане и изначально не может привести к успеху. И вот почему.

¹ См., напр.: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 589; *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 48—64.

² См.: *Берновский К.О.* Объект права. Харьков, 1931.

³ Исключение в этом плане составляет только работа М.М. Агаркова.

⁴ Так, Г.Ф. Шершеневич указывал, что «учение о юридическом отношении всецело разрабатывалось цивилистами» (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 1—4. М., 1910—1912. С. 571—572).

⁵ См.: *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. М., 2002. С. 174.

Субъективное право являет собой некую идею, абстракцию. Так, В.И. Синайский указывает, что «субъективное гражданское право опирается во всяком случае на объективное право», в то время как объективное право в его понимании — это юридическая норма¹.

В учении Маркса, которое серьезнейшим образом повлияло на развитие юридической методологии советского периода, право тоже рассматривается как некая идеологическая надстройка, которая находится в диалектической связи с фактическими отношениями (конкретными реально существующими отношениями). Правовые нормы, объединяясь в некие идейно—надстроечные комплексы, составляют различные виды правоотношений, которые в свою очередь, также являясь некими идеальными моделями, воплощаются в действительности, проходя через сознание людей и реализуясь в их поведении.

Не секрет, что предмет правового регулирования составляют фактические общественные отношения субъектов. Иначе говоря, право посредством применения правовой методологии (методов дозволения, разрешения и предписания) упорядочивает общественные отношения, определенным образом влияет на формирование поведения людей, устанавливает модели поведения людей в различных ситуациях. Так, известно определение субъективного права, как меры возможного поведения субъекта. Иными словами, правовое регулирование распространяется на поведенческую сферу субъектов.

Однако данная ситуация применительно к объектам прав выглядит в корне иначе. Дело в том, что свободный выбор объектов воздействия субъектами отношений составляет важнейший элемент содержания диспозитивного метода регулирования, присущего гражданскому праву, при этом данная сфера собственно правовому регулированию не поддается. Субъекты права свободны в выборе тех сфер отношений, которые в дальнейшем станут предметом их взаимных обязательств. На этом, в частности, строится принцип свободы договоров. Таким образом, в этой ситуации речь идет уже не о поведенческой сфере субъектов, а о сфере их личных интересов, сфере их личной свободы². И здесь правовая методология оказывается во многом несостоятельной. Дело в том, что данная сфера не может покрываться правовым регулированием, не может рассматриваться как предмет правового регулирования³. Действительно сложно представить себе, что вопросы выбора объекта договоров будут находиться в строгом регулирова-

¹ См.: *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 57—59.

² На непосредственную взаимосвязь понятий «объект права» и «интерес» указывает Г.Ф. Шершеневич.

³ На это обстоятельство обращает внимание В.Н. Протасов. Однако указанный вывод он до конца не развивает (см.: *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М., 1991. С. 103).

нии права. При таком подходе не может быть и речи о частном праве, суть которого как раз в том и заключается, что субъекты свободны в выборе целей (объектов) своего взаимодействия.

Представляется, именно в этом подлинный смысл обращения Савиньи, Шершеневича и других дореволюционных ученых к понятиям «воля», «интерес» при определении термина «объект прав». Воля, интерес — это интерпретации личностной свободы индивида. Можно установить лишь границы, в рамках которых данная свобода может осуществляться. Но установить конкретные способы осуществления этой свободы невозможно, поскольку свобода перестанет быть тождественной самой себе.

Тенденция раскрытия содержания понятия «объект прав» через категорию «интерес» заслуживает особого внимания. Данная тенденция поддерживается Г.Ф. Шершеневичем, П.Г. Виноградовым (у него речь идет об «абстрактных интересах»)¹, Н.М. Коркуновым², Н.С. Суворовым³. В цивилистической литературе существует несколько позиций по поводу определения содержания категории «интерес». Наиболее распространенной точкой зрения является выделение в содержании данной категории объективного и субъективного элементов. Вместе с тем нельзя не заметить, что интерес всегда субъективен по своей природе, и объективной может быть лишь форма его выражения, которая выступает практически формой волеизъявления. Как отмечает В.П. Грибанов, «интерес — это потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, а в конце концов в тех отношениях, в которые вступают лица в процессе своей деятельности»⁴. В связи с этим существуют большие сомнения в том, может ли интерес быть абстрактным (о чем пишет П.Г. Виноградов).

Интерес всегда содержит в себе субъективный элемент, который не может быть урегулирован правом. По этой же причине В.П. Грибанов совершенно справедливо не включал интерес в содержание субъективного права⁵. «Субъективная сторона интереса заключается в психической настроенности субъекта интереса по адресу какого-либо объекта (явления), его устремленности обладать теми или иными объектами окружающей действительности», — пишет Ф.О. Богатырев⁶.

¹ См.: Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 52—53.

² См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 3-е изд. СПб., 1894. С. 154.

³ См.: Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. М., 1907. С. 99.

⁴ Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 240.

⁵ См.: Там же. С. 242—244.

⁶ Богатырев Ф.О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2.

В определении Г.Ф. Шершеневича понятия «объект прав» и «интерес» соотносятся между собой как цель и средство. Представляется совершенно логичным предположить, что для достижения (или реализации) субъективной составляющей интереса средства данного достижения также должны отдаваться на усмотрение соответствующего субъекта. Иначе субъективная составляющая интереса будет практически парализована жесткими нормативными предписаниями, нормативно устанавливаемыми вариантами реализации соответствующих интересов. Как указывает В.П. Грибанов, «...закон, предоставляя лицам субъективные права, не может учесть всего многообразия интересов и предоставляет это право для удовлетворения любого допустимого с точки зрения закона интереса»¹.

Единственное исключение в данной ситуации состоит в том, что правом устанавливаются общие основополагающие принципы выбора субъектами реализуемых в дальнейшем интересов, которыми определяются объекты прав: недопустимо, чтобы договор (в частности) преследовал цели, противные правопорядку, либо удовлетворение интереса нарушало права других лиц².

Подтверждением указанным рассуждениям является норма п. 4 ст. 421 ГК РФ, где устанавливается, что условия договора (в том числе его предмет или объект) определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. В то же время с регулированием договорных отношений ситуация обстоит несколько иначе. В кодексе устанавливается однозначное определение договора, устанавливается момент, когда договор считается заключенным, порядок его исполнения, условия действительности и т.д. То есть модели взаимодействия субъектов являются предметом непосредственного регулирования (пусть даже на основе диспозитивного метода). По мысли С.С. Алексеева, правовое регулирование — это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями³.

Таким образом, право определяет некие устойчивые модели взаимодействия субъектов (в частности, устанавливает определенные конструкции договоров); однако указанное правовое воздействие не может затрагивать сферу интересов и потребностей субъектов, которые реализуются в выборе тех или иных объектов их прав и правоотношений. Напротив, интересы

¹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 242.

² См.: Статьи 168, 169, 10 ГК РФ.

³ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 209.

личности определяют, какие именно правоотношения будут возникать по поводу реализации данных интересов, т.е. определяют применимость правых норм, которые должны воздействовать на отношения. Иначе говоря, *выбор конкретного объекта прав и правоотношений не может регламентироваться правовым воздействием.*

И в данной ситуации возникает некая коллизия, которая не позволяла исследователям, обращавшимся к данному вопросу, точно определить, что же такое «объект права» в общем смысле (субъективного права вообще). Применение дедуктивной методологии аналогично с ситуацией, когда на основе понимания права в общем смысле определялось конкретное право субъекта, не может быть продуктивным в случае с определением содержания объекта субъективного права в общем смысле. Это объясняется принципиальными особенностями частного права, в рамках которого регламентация сферы интересов частных лиц является недопустимой. Данное противоречие возникло в силу рассмотренных выше исторических особенностей формирования понятий объект права и субъективное право.

Следовательно, у субъективного права в абстрактном понимании не может быть объекта в таком же абстрактном смысле (некой идеи объекта), объект субъективного права — это всегда нечто конкретное. Именно по этой причине исследователи дореволюционного периода, рассуждая об объекте прав, говорили либо о конкретных видах объектов прав¹, либо давали открытое определение², которое не является определением в собственном смысле слова.

Из этого следует, что все правоотношения и права в общем абстрактном понимании фактически безобъектны, поскольку концепция объекта прав в абстрактном понимании не имеет практического наполнения. В связи с этим следует согласиться с Е.А. Сухановым, когда он предлагает считать подлинным объектом гражданских правоотношений правовой режим³. Они перестают быть безобъектными в тот момент, когда наполняются материальным содержанием, становятся конкретными правами и правоотношениями, материализуются в реальности. И именно этот момент совпадает с моментом, когда у них появляется объект, т.е. абстрактные права становятся конкретными, объективируются.

Однако же многие исследователи советского и постсоветского периодов, не принимая во внимание данных обстоятельств, сталкиваются с весь-

¹ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. С. 80—115; *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 57—59.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. С. 71.

³ См.: *Гражданское право: учебник.* В 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2000. С. 294—295; *Сенчищев В.И.* Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1999. С. 140—153.

ма затруднительной ситуацией: есть концепция субъективного права, есть конкретные субъективные права лиц, у этих прав есть объекты, на которые они направлены. При этом должно присутствовать понимание объекта субъективного права как идеи¹. И здесь существует большой соблазн установить по аналогии ту же степень зависимости между объектом-идеей и объектом конкретных прав, что существует между понятиями «субъективное право-идея» и «конкретное субъективное право», т.е. зависимость детерминации. Ведь логично было бы предположить, что право-идея и конкретное право находятся в одинаковом соотношении с понятиями соответственно объекта-идеи и конкретного объекта.

Но, как было показано выше, в указанной ситуации формальная логика не вполне эффективна. И если не увидеть при указанном ходе размышлений возникновения явного противоречия началам частного права, то существует серьезная угроза совершить указанную методологическую ошибку, которая фактически нивелирует все дальнейшие результаты исследования.

При обобщении конкретных объектов прав в некие единые категории максимум, что могло произойти, — это попытка объединить или классифицировать объекты конкретных прав в определенные группы, результатом чего и стала конструкция ст. 128 ГК. Само же понятие «объект права в общем смысле», по поводу которого в правовой доктрине имело место огромное количество споров, представляется в силу указанных выше причин бессодержательным, лишенным практического смысла. Это точь-в-точь, как указываемое Гегелем затруднение насчет того, что мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но не можем есть плод, потому что никто еще не ел плод как таковой².

Так, под объектами прав М.М. Агарков понимал «...прежде всего, вещи». В данном случае является очевидным отсутствие расширительной трактовки данной категории, что прямо корреспондирует теории Савиньи. По мысли проф. Агаркова, функциональное назначение категории «объект прав» состоит в том, что они позволяют типизировать вид соответствующего им субъективного права: определить, в частности, будет ли это абсолютное или относительное право. При этом в трактовке М.М. Агаркова «объекты прав» рассматриваются как средства «...характеристики и определения содержания соответствующих прав...»³.

Еще одним аргументом в пользу приведенной концепции может служить указание Д.Д. Гримма на необходимость различать «объекты (субъек-

¹ По такому пути идет, в частности, В.А. Лапач (см.: *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 167).

² См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 550—551.

³ См.: *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. М., 2002. С. 206.

тивных) прав» и «объекты права (в объективном смысле), Objekte des Rechts в противоположность Reichtobjekte»¹. Как представляется, в данном указании содержится ценнейший методологический аспект исследования проблемы.

Полагаем, что нет смысла здесь обосновывать существование принципиальных различий в природе таких понятий, как «объективное право» и «субъективное право»². В связи с чем совершенно очевидно, что объекты данных понятий также качественно отличаются. Однако в большинстве случаев авторы, обращающиеся к исследованию указанной проблемы, не уточняют, об объекте какого именно права они ведут речь, более того, в рамках своих рассуждений они часто не проводят различий между объектам объективного и субъективного права³.

Вместе с тем различия объектов данных прав существенны. Как представляется, именно их выявление должно позволить положительно решить, наконец, рассматриваемую доктринальную проблему. Дело в том, что если в объективном понимании объект права представляет собой совокупность общественных отношений, которые представляют собой предмет (объект) регулирования права (в объективном смысле)⁴, то субъективные права имеют объектами различные виды имущества, работы и услуги, иные блага (согласно ст. 128 ГК РФ).

В связи с этим кажется вполне логичным существование различий в характере правового воздействия на общественные отношения и характере правового регулирования тех объектов, на которые направлены соответствующие отношения. Если в первом случае правом устанавливаются те или иные правовые средства взаимодействия субъектов правоотношений, определяется сам характер возникающих между ними правовых связей, то во втором случае речь идет об установлении лишь определенных требований, условий которые создают возможность возникновения правоотношений по поводу того или иного объекта. И правовое регулирование в этом случае ограничивается следующими двумя формами:

- 1) установление критерия оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ);
- 2) установление определенного закрытого перечня видов объектов прав и самостоятельного правового режима для каждого отдельного вида объектов прав.

¹ См.: *Гримм Д.Д.* Указ. соч.

² См. подробнее: *Hölder E.* Über objectives und subjektives Recht. Leipzig: A. Deichertsche Verlagsbuchhdlg. Nachf. (G. Böhme), 1893. S. 18—19.

³ См., напр.: *Стальгевич А.К.* Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 30—31.

⁴ См., например: *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 64—66.

При этом, как указывалось выше, объекты субъективных прав всегда конкретны. Из этого можно сделать основной вывод о том, что единого объекта субъективных прав в принципе не существует. Есть лишь объекты различных субъективных прав. Так, в законодательстве нет (и, как представляется, не может быть) четкого определения понятия «объект прав». Вместо этого имеет место объединение объектов конкретных прав в некоторые группы, виды объектов прав (ст. 128 ГК РФ). Данные общие группы объектов представляют собой некие универсальные категории, которые были выработаны в процессе развития экономики, при этом их перечень и характер определяются уровнем развития экономики и хозяйственными запросами общества. Данные категории объединяют совокупности объектов конкретных прав, на которые распространяется единый правовой режим.

Таким образом, понятие объекта права можно определить исключительно через многоэлементную теорию. Идея объекта прав в монистической трактовке представляется несостоятельной, поскольку в принципе лишена четкой формы практического выражения (невозможно заранее предсказать, что может стать объектом интересов участников правоотношений).

Исходя из вышесказанного, *объекты гражданских прав* должны пониматься как субстанции материального или идеального мира, которые характеризуются направленностью на них интересов участников соответствующих правоотношений, а также которые соответствуют требованиям оборотоспособности и вследствие чего характеризуются установлением для них в законодательстве определенных правовых режимов.